

ДНЕВНИК
ПЕРЫ
ИГОЩЕВОЙ

...В блокадном городе живёт девочка Лера, ей 14 лет. Её подругу - из этого же подъезда, дочку домоуправа - зовут Ниной. «Однажды через Нину нам с мамой предлагают продать за хлеб мою книжную полку и коврик над кроватью, причём этот кто-то жестоко торгуется, даёт низкую цену...» Игошевы продают. Приехав спустя годы после войны в Ленинград, Лера, уже Троценко по мужу, заходит в гости к повзрослевшей Нине и видит в комнате свою полочку и свой коврик...

В тот момент «в душе что-то отвалилось». Потрясло даже не то, что мама-управдом и дочь жили на карточки «мёртвых душ», а то, что при этом они ещё торговались - со своими же... «Пусть это останется на их совести», - говорит уже сегодня Валерия Николаевна, жительница Владивостока.

Вместе с мамой она эвакуировалась в 1942 году по Дороге жизни, поступила в Онежскую военную флотилию, затем во фронтовой госпиталь. Закончила математический факультет Ленинградского университета и более полувека преподавала математику в Политехническом институте на Дальнем Востоке.

Но и совесть Леры болит, болит до сих пор. Её мама тоже работала в домоуправлении бухгалтером, и у Игошевых также появлялись дополнительные карточки. «Я пытаюсь успокоить свою совесть тем, что мы не только не приобретали вещи за добавочный хлеб, а это был мизер, который не спас папу от голодной смерти». «Мама» и «Папа» в дневнике Леры - всегда с большой буквы.

Дневник Леры Игошевой, который она спасала от воздушных тревог, унося с собой в убежище в кармане, пришитом к изнанке пальто, дневник, в котором описывает, как семья, не глядя друг другу в глаза, ест кошку... а спустя несколько дней ест другую уже почти спокойно, этот дневник несколько лет назад издала небольшим тиражом дочь Татьяна. Сейчас он в нашей книге.

12 августа 1941 года. (...) Это было 22 июня утром в Москве. Мы: я, Мама и Папа, а также дядя Паля с семьей - мирно завтракали в столовой, собираясь затем все вместе идти гулять. Около одиннадцати часов передали, что скоро будет транслироваться по радио речь В. М. Молотова. Мы очень удивились и приготовились к неожиданности. Но она превзошла все ожидания. В своей речи Вячеслав Михайлович сказал, что Германия без объявления войны напала на СССР в 4 часа утра 22 июня.

С этого момента все и пошло кувыркком. Мы быстро собрались и в ту же ночь выехали в Ленинград, т. к. Папе надо было явиться в военкомат.

31 августа 1941 года. (...) Но время теперь такое тяжелое, люди нервные, раздражительные, и мне вдруг стало казаться, что Мама и Папа совсем не любят меня. Они часто сердились, и я, в конце концов, стала чувствовать, что не люблю их. Недавно Папу взяли на окопы, а у нас с Мамой произошло «объяснение». Поругавшись с ней, я, немножко, правда, театрально и надуманно, сказала: «Ты думаешь, я люблю тебя?.. А любить-то ещё так хочется...» Это произвело на Маму, да и на меня большое впечатление, я заплакала, и мы потом помирились. Я немного успокоилась, и стало лучше. Еще опишу один случай. Я потеряла талоны от карточек на 200 г мяса и 200 г сахара. Мама посердилась, и я решила не есть сахара и масла - пила пустой чай, ела простую булку. К удивлению, это было не так трудно. Я выдержала дней 8-10. Потом пришлось кончить диету, т. к. Мама стала сердиться.

Сейчас дома все благополучно. Живем с Мамой дружно, почти не ссорясь. (...)

9 сентября 1941 года. Спешу все описать.

Вчера ленинградцы получили боевое крещение. Тревога началась в 7 ч. вчера. Я, как обычно, пошла считать людей, вдруг воздух задрожал, раздалась стрельба из зениток, слышались разрывы бомб вдалеке, в воздухе появились немецкие самолеты. Меня стрельба застала на лестнице, ведущей к бомбоубежищу. Я не могу определить, а тем более написать, какие чувства овладели мной. Знаю только, что ноги и руки дрожали, а сама я старалась не бояться. (...) Тревога длилась часа полтора. Вначале самолеты летели, и был бой прямо над нашей улицей, нашим двором. Все небо было усеяно мелкими белыми облачками от взрывов зенитных снарядов. Затем бой удалился от нас, выстрелы стали слабее, а издалека, со стороны Невского, но гораздо дальше, стали видны два огромных столба дыма. Дым поднимался кверху, расходился тучей, и скоро все небо по-

крылось темным облаком с краями, розовеющим от вечернего солнца. Чем-то роковым казалась эта туча. Мы, связисты и санитары, сделали все, что могли: приготовили медикаменты, помогали в убежище, «ободряли» людей, боевой службы нам пока нести не пришлось. (...)

Ну а сейчас вот я пишу в дневник. Сердце тревожно бьется при звуке, похожем на звук полета бомбы, не за себя, конечно, но бьется. Я теперь стараюсь привыкать быть спокойнее, мне не верится, что что-нибудь может со мной случиться, я теперь, пожалуй, верю в судьбу и... Сейчас схожу за завтрашним хлебом. Затем буду готовиться - сошью карман для сухариков и т. д. Не решила еще, брать ли во время тревоги с собой дневник. Пожалуй, возьму.

20 сентября 1941 года. (...) Я, Лера Игошева, в эти суровые дни, перед своим дневником торжественно обещаю, что буду энергична, выдержанна, настойчива при достижении своих целей; буду с пользой и экономно проводить время; буду вежлива, опрятна и вообще культурна; буду по возможности продолжать свое образование и буду и дальше вести этот дневник.

19 сентября 1941 года. (...) Девочки что-то говорили о том, что неплохо бы выпустить стенгазету «Боевой листок». Я тоже присоединилась к ним. Мира хотела провозгласить меня редактором. С этим я, конечно, не согласна. И вообще не знаю, выйдет ли что-нибудь из этой затеи - ведь надо привлекать кого-то взрослого, даже партийного. Но если выйдет, я буду деятельным членом - ведь это моя «профессия», мне это так нравится...

Пришел Адольф Гейн. Он теперь уже вполне «молодой человек». Теперь (по делу, конечно) он часто заходит в контору. Мне кажется, есть что-то общее между ним и Женей Д. А может быть, я это просто придумала. Какая я глупая.

Злюсь. Страшно дико злюсь. Хоть бы начали стрелять, и... Мама, словно на привязи, держит меня около себя. Я хотела сесть рядом с Миррой, а она не позволила. Нина принесла книжку и читает с Миррой.

Как глупо получается. У стола сидят девочки, беспечные, оживленные, а в проходе между кроватями торжественно восседает Ира с матерью и я со своей Мамой.

К черту. Я придумываю, как дать выход моей злости. Попытаюсь сходить к Папе на чердак.

4 октября 1941 года. (...) Теперь о дневнике. С ним получилась целая история. Я во что бы то ни стало хочу, чтобы в тревогу ночью он был со

Папу его любимые жена и дочь Лера не уберегли... И сами прошли по самой кромочке смерти.

Фото из архива В. Троценко.

мной - гораздо увереннее, приятнее себя чувствуешь. Ведь почти двух-годовой дневник мне так дорог... Я пришила его к пальто, но Мама не позволила носить, сердилась; пришлось отпороть. Потом я сшила пояс и привесила дневник около резинок. Это было довольно неудобно, а Мама опять увидела и рассердилась. Теперь я беру его с собой совсем официально - в газете ношу каждую тревогу. Мама хоть и не совсем довольна, но не спорит, мне это и надо. В крайнем случае отдам на время Нине на хранение, но этого делать очень, очень не хочется, т. к. Нина о самом существовании дневника... Однажды, когда я еще носила его в пальто, у нас произошёл большой разговор. Нина высказывала догадки, говорила, что это документы, книга, заверение в дружбе... дневник... и другое. Я отрицала все это и последнее. Что поделаешь. Я вынуждена была соврать (как соврала Майке и Каре). Нине я только сказала, что это единственное, чем я не могу поделиться даже с ней, моей подругой.

Итак, что бы ни было, дневник со мной. Это уже утешает и придает бодрость.

7 октября 1941 года. Ночь. Дежурю в конторе. 5-го, в выходной, мы с Папой кушали в «Астории». Стояли часов 6 в очереди, поели очень неважно. «Астория», «Астория»... Я первый раз была в большом ресторане и весьма разочаровалась. Мы сидели за столиком с англичанами (судя по языку). Они мне не понравились, особенно мужчины.

Мы с Папой теперь решили больше не стоять в очередях в выходной. А кто знает, может быть, и придется. Теперь такое время. С едой всё хуже. Говорят, что с 15-го опять убавят хлеб. Что будет? И положение на фронтах весьма плачевное. Немцы близко от Ленинграда. Кругом идут бои. Чем все это кончится? Мне почему-то не страшно за будущее. В городе сейчас все так неважно, что Папа делает выводы, что при немце будет не хуже, что уж некуда хуже. С этим я вовсе не согласна. Все-таки, несмотря на лишения, я сейчас свободна, могу жить, учиться... а там еще неизвестно, что будет...

Говорят, что с 15-го откроют школы. Хоть не очень верится, но надеюсь. Как хорошо было бы!..

15 октября 1941 года. (...) Сводки передают очень плачевные. Уже немцы рвутся к Москве - Калининское направление, юг весь занят (Киев, Мариуполь, Брянск и другие большие города).

Я теперь каждую ночную тревогу уношу с собой дневник. Папа, вероятно, догадывается о содержании моего «свертка в газете». Однажды он

сказал мне: «Ты сожги свой дневничок, а то придет немец, прочитает»... Я ответила что-то несвязное. Теперь часто действительно раздумываю над этими его словами. В самом деле - что делать? Жечь? - быть может, придется и сжечь, а жалко, очень жалко, ведь скоро будет уже два года. (...)

Может быть, это я сама придумала из-за своего сейчас одиночества, или действительно на меня это повлияло, но вот уже много дней, как я думаю о Фимке. Думаю, когда ложусь спать. Лежа с закрытыми глазами, я представляю его себе, вижу снова школу, вспоминаю различные случаи. Глупая, какая я глупая. Я думаю, где он сейчас, что с ним? Мне он уже несколько раз приснился, и все в таких снах, что в действительности ничего такого не может быть...

26 октября 1941 года. Получила письмо от Кары. Написала ответ. Писала о Фимке, о таком, что я никогда ей не говорила. И вот решила не отсылать этого письма. Рвать его не буду, а положу в дневник. Пусть же никто, кроме меня самой, не знает об этом.

Письмо Каре

Здравствуй, Карочка (читай только одна), здравствуй, моя милая Кариша! (...)

Кариша, ты пишешь, что часто вспоминаешь наших ребят. А я? Глупая, мне они даже снятся, и особенно почти каждую ночь снится... Кара, я никогда тебе об этом не говорила и не писала. И до сих пор еще никто, кроме меня самой, об этом не знал. Какая я сумасшедшая. Но раз ты мне говорила о многом, то... В общем, мне часто, очень часто снится Фимка. Сны, ты знаешь, всегда бывают неправдоподобные, такие и у меня. Кара, милая, только ты никому ничего не говори. И поскорее сожги это мое письмо. Может быть, ты будешь знать что-нибудь о Фимке - напиши мне. Какая я глупая - ведь это совсем не то, что у тебя, а тем более, например, у Люси - ведь Фима тоже ничего не знает. Просто ты помнишь, зимой, в феврале, ты некоторое время болела. Карочка, ты не обижайся, но это были хорошие дни.

Сейчас такое время! Кто знает, что будет со всеми нами через месяц, через год? Интересно бы заглянуть в будущее. Если бы все было нормально, как всегда. Если сидели бы мы опять с тобой за партией в нашей чудесной школе, то... Кариша, если со мной что-нибудь случится, найди его и скажи ему.

Сейчас вечер. Папа уснул на оттоманке, Мама в кухне. Я сижу за столом в большой комнате и пишу. Рядом книжка - я перечитываю «Девяно-

сто третий год» Гюго. Какая хорошая вещь. Радио выключено. У вас там, конечно, нет радио, но это вряд ли хуже... Страшно надоедает...

Я наконец закончила «Войну и мир». В целом очень мне понравилось, но я совсем не согласна с Толстым: как он пишет о Наполеоне, о Кутузове. Жалкие людишки, игрушка судьбы, ярлычки событий. Совсем не такими я их представляла раньше, да и представляю теперь. А Наташа?! Неужели таков был удел девушки того времени? Чудесная, поэтическая девушка, очень тоненькая, живая, восприимчивая и чуткая, все время привлекающая к себе симпатии, она превратилась в... ну не буду писать...

Напишу о двух вещах, которые меня сильно заняли.

Был Василий Денисович. Вчера утром, когда пили чай, он мне обо многом рассказывал. Как европейский путешественник, он говорил о Германии, говорил о годах НЭПа у нас. Он считает, что частная торговля гораздо лучше, удобнее и выгоднее. Он рассказывал, какое изобилие и дешевка бывает при ней. Говорил о немецкой честности, о жизни в Германии. В целом он считает, что если Ленинград возьмут (а это он считает неизбежным), то многое будет как до революции или как в Германии. Это он считает поворотом в лучшую сторону.

Есть над чем задуматься. Я о немцах слышала много как положительного, так и отрицательного (конечно, не по радио - радио я теперь совсем не верю). Интересно, которое оправдается на деле. Я чувствую, что не буду доверчиво относиться ни к тому, ни к другому (за это говорит моя гордость). Я не уподоблюсь Ире К. в суждениях (например, ее быстрый переход к антисемитизму), но сначала беспристрастно посмотрю.

А второе - это частые теперь раздоры у нас в семье. Правы и виноваты бывали все по очереди, но очень много сердимся и дуемся. Папа сегодня говорил, и, кажется, серьезно, что уйдет, как бы тяжело это ни было. Я не хочу принимать этого всерьез. Вспоминаю, как однажды сказала, что могу уйти, но Папа ответил: «Неужели ты уйдешь от своего Папочки...?» Мне было тогда очень стыдно. А теперь? Неужели Папа это серьезно говорит? Или ему действительно очень тяжело? Какая я часто бываю нехорошая, гадкая, злая!

Вот и сейчас пишу на дежурстве. Мама не разбудила меня, как обещала, а два часа просидела сама. Я надулась, рассердилась и заругалась на нее. Я, конечно, права, но, быть может, не следовало мне так делать? Что ж будет дальше? Так и впрямь с ума можно сойти или убежать куда-нибудь из дома. Какая я нехорошая, неблагодарная, жестокая. Но неужели я не

смогу переделаться? Ведь чувствую же я, что внутри я совсем не такая, что очень, очень хочется любить, уважать, хочется, чтобы тебя любили...

29 ноября 1941 года. Не писала больше месяца. Как много пережила и передумала я за этот месяц. Постараюсь написать все по порядку.

С 3-го по 6-е были четыре счастливых дня. Открылись школы. Очень много новых впечатлений. Я учусь в 15-й - где Нина. В школе всего 5 классов. (...) Вообще условия занятий совсем иные - тем более что помещений неповрежденных мало - кабинеты. Занимаемся в галошах, пальто висят в классе, портфель всегда с собой, в тревогу идем в убежище, в перемену сидим в классе. Все это, конечно, мешает учиться, но я рада, очень рада школе, в ней имеешь занятие. В школе же нам давали еду - суп и кисель.

Из девочек отмечу двойняшек Струнь - противных и глупых, у них очень смешные, звонкие голоса. Таня Рабинович очень неприятна на лицо. Из нашей школы, но из другого класса, Ира Лебедева, кажется, неплохая девочка. Остальные - больше «никто». Позднее пришла новенькая - девочка на вид старше 8-го класса, производит впечатление старой гимназистки, зубрили и подлизы, но довольно ограниченной. Кажется, она знала хорошо Горлиных и переписывается с ними. Села я с Ирой. С ней более других сблизилась за это время - вместе ходили в школу, вместе учили готический шрифт, но дружбы между нами нет.

Но, увы, прошли эти счастливые дни, оставив лишь приятные воспоминания.

Бомба упала напротив школы и не разорвалась - не занимаемся. Так длится почти месяц.

У Вали 3. в бомбежку погибла мама. Бедная, что переживает Валя, что чувствует? Я вдруг почувствовала, что надо сходить к Вале. Была у нее. Быть может, некстати, но, думаю, она меня поймет.

Праздник 7 ноября прошел вяло. Был В.Д. День отмечился хорошим питанием - достали брюквы. Что же, теперь и это хорошо.

Это случилось 16-го. Прошло уже много дней, так что воспоминание не очень ярко. В наш дом, во двор, попала фугасная бомба. Упала она удачно - только одна жертва. У нас вылетели стекла и рамы. Был большой переполох, немножко страшно. Сейчас вспоминаю обо всем уже спокойно. В те дни меня брало раздумье: жили люди, имели свои важные дела, много дел, а вот упала бомба - и все собрались, и копошатся, и починяют свои жилища, позабыв обо всем другом, и дом шумит, словно муравейник.

Настали тяжелые дни - дни тоски, апатии и физического страдания. Жаль, что нет школы - нет цели, занятия. Все пусто и тяжело. Целые дни хожу по очередям, мерзну дома, а вечером собираемся все и готовим еду. И еще хорошо, если она есть.

Чувствуешь, что опускаешься, что бесцельно проводишь время, но что же поделаешь...

Вот тут-то и появилось у меня новое в отношениях с родителями. Я буквально влюбилась в свою Маму. Началось это в тот памятный банный день. Мы обошли 5 бань и помылись в очень плохой баньке на Гороховой. Тогда я удивлялась Маме и восхищалась ее выносливостью и умением перебороть страдание. Она еще ободряла меня, уставшую и раскисшую. И с того дня она представилась мне совсем в другом свете, чем-то вроде идеала - она и красива, и женственна, и так работоспособна. Дома она приберет все, помоеет, как простая хозяйка, а потом оденется лучше и идет на работу, как прекрасная дама. Милая Мамочка, я так полюбила тебя за это время. Как-то раз мне удалось сделать для нее все так хорошо - она пришла с дежурства иззябшая, утомленная, я встретила ее ласково, все было убрано, чай готов; она была довольна. А мне было так приятно!

Совсем иное отношение у меня к Папе. Сейчас приходится учитывать продукты, делить каждый кусочек. Невольно о Папе складывается неприятное впечатление эгоиста. Да, он очень большой эгоист во всем. Он отказывается от дежурства, хочет все как-то получше, от меня же требует беспрекословного повиновения и, в то же время, любви и простоты. Я же не могу так, не получается из меня этого папиного идеала. Часто мы спорим, и я все дальше от него отдаляюсь. С Мамой хоть тоже мы часто спорим - теперь люди очень раздражительные (по многим причинам) - но я ее так люблю, мою Мамочку...

Изменилось и отношение к подругам. Я всех чуждаюсь и отдаляюсь. (...) Я много думаю. По вечерам не могу писать - дома Мама с Папой, но в уме часто составляю длинные послания и сочинения. Вот как я начала бы одно из них: «...В мире есть царь. Этот царь беспощаден, Голод - название ему». Некрасов «Железная дорога».

Голод - одно из страшных физических страданий. Как и другие физические страдания, его нельзя передать полностью на словах или в письме - его надо испытать. Это страшное чувство: хочется есть. Хочется есть что-нибудь - хлеб, картошку, дуранду, мясо, сахар, шоколад - лишь бы есть, лишь бы побольше. Остальные чувства и мысли притупляются, думаешь

о еде, о прошлой еде, о будущих счастливых временах. В будущем ставишь себе первую проблему - насытиться; представляешь, как устроишь жизнь...

Утром каша, обязательно вкусная, горячая каша с маслом. Потом чай или какао, хлеб, булка, сахар, всего много, всего в избытке... Смешно, но об этом думаешь часто, очень часто. Кажется странным, как можно было раньше так мало есть, как можно было уделять так мало внимания питанию и т. д.»

Недавно произошло нечто и приятное, и очень мерзкое, нехорошее: Папа принес кошку - да, живую кошку принес в портфеле домой. Раньше у него был разговор, обычно полушутливый, что, возможно, придется есть кошек, но дальше шутки не шло. Я обмерла. Папа сказал, что очень хочет есть, а потому принес для себя, и чтоб я не волновалась. Я не могла выдержать непреодолимое чувство отвращения, гадливость наполняла меня, я расплакалась и уехала к Маме. Вернулись мы вдвоем. Понемногу я успокоилась. Действительно, ведь все это лишь предрассудки. Мы едим свинину и хвалим, а уж чего-чего свинья не ест, ведь кошка чище. В данном случае это был кот одних знакомых, абсолютно чистый, ел из одного блюдца, был очень жирный. В общем, Папа его освежевал - мясо я видела, вполне приличное и красивое, и мы... съели кошку. Это было вкусно, совсем без привкуса, жирно, питательно, но ели мы, скрывая от других, ели редко глядя друг другу в глаза, и теперь мне не хочется об этом думать и вспоминать, больше я все равно не хочу этого есть... Кто знает, быть может, еще придется.

Голод в городе ужасный. Есть нечего. Хлеба 125 г в день, продуктов мало и, главная беда, - не достать. С 1-го введут прикрепление - надеюсь, что будет получше. (...)

20 декабря 1941 года. Опять прошло много времени. Завтра исполняется 2 года моему дневнику. Чем-то отметится этот день? Обещают прибавку хлеба - вот хорошо бы! Жизнь идет своим чередом, однообразная, обыкновенная, тяжелая.

Совсем не так шла она 2 года назад, когда я начинала эту тетрадь.

Из «знаменательных» дел отмечу наши с Папой героические поездки за дровами. На Малой Охте на складе папа получил 1,5 куб. метра дров. Их надо было вывезти самим домой в течение нескольких дней.

Мы отправились с Папой вдвоем, взяли детские саночки. Пешего пути до склада ровно час. Там мы поработали - отобрали 1,5 куб. метра

и собрались в обратный путь. Тут-то и началось. Положили мы не очень много - меньше четверти куб. метра, но саночки-то детские, неудобные, полозья врезаются в снег. Словом, нам с Папой их с места не сдвинуть. Часть оставили, кое-как подвинулись. В самом же начале пути мы выбились из сил; чем дальше, тем было тяжелее. Стемнело. Мы двигались очень медленно, в темноте, часто отдыхали. Говорили о разном. Я на деле убедилась в некоторых истинах.

Физическое страдание очень тяжело. Его трудно передать, но по прошествии времени его трудно даже представить себе, с ним легко миришься. Вот и сейчас, пишу я как-то малоестественно, не похоже...

На следующий день мы опять проделали этот путь. Сил было еще меньше, но к санкам мы приладили лыжи и кое-как довели. На третий день Папа поехал один, а я осталась дома. Зато потом я переносила одна колотые дрова наверх, в ящик на кухне.

Эти 4 дня мы недаром называли героическими. Я их запомню надолго. Силы мои и Папины подорвались еще больше, еще хорошо, что в это время мы опять достали кошку.

Вторую кошку мы съели уже безо всякого отвращения, довольные, что едим питательное.

Затем наступили особенно голодные дни. В магазинах ничего нет, дома тоже почти ничего. Кошек, видимо, ели далеко не одни мы. Сейчас на улице не встретишь ни одной, даже самой паршивой и тощей...

Подмогой служит нам сейчас Машины «добавки» - да простится ей это!.. и помогает В.Д. Он живет, конечно, неплохо. Немножко он нам помог продуктами и вином, а еще, за что ему большое спасибо не только от нас, - своим изобретательством химика.

Мы по его совету сейчас печем и едим лепешки из клея декстрина (Папа достает через работу) с пайковым хлебом. Получается хорошо, поддержка большая, но все еще мало, ещё едим далеко не досыта, еще ощущается голод.

Сейчас вводим еще один необычный продукт - дафнии. Папа узнал от научных работников, что можно варить суп из рыбьего корма - дафний (я же проходила их по зоологии). Они продаются (вернее - пока продаются) в зоомагазине по 40 рублей кг. Папа купил 5 кг, и вот мы пробуем. (...)

ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

30 декабря 1941 года. (...) С 1-го по 5-е у нас каникулы. Кормить в школе будут. Дома придется позаниматься. Будет елка в Михайловском теа-

тре, с обедом из трех блюд. Да, такое время, что все связано с едой. Я часто просто ненавижу себя за малодушие, но не могу справиться, что-нибудь да откушу, отщипну из продуктов, а самой стыдно - ведь я беру от Маминой и Папиной доли. Как ужасно голодать! Сегодня утром было так нехорошо, так есть хотелось. Сейчас еще ничего. Постараюсь выдержать до вечера, ничего не брать. Новый год обещает быть довольно скучным - все зависит от того, достанем что-нибудь хорошенького из еды или нет. (...)

13 января 1942 года. Подошел и прошел Новый год. Мы его немножко встретили да около 12 и уснули. Сначала мне очень хотелось отпраздновать сам момент Нового года, я спорила, плакала, а потом - ничего. Пусть весь год я буду спать так же сладко.

Сейчас очень, очень тяжелое положение в городе. На Новый год, на январь возлагались такие надежды. А на деле - никаких улучшений. Хлеба все те же 200 г, продукты вот только сегодня стали давать за 1-ю декаду. Люди мрут, как мухи. За день в городе умирают десятки тысяч от голода. В перспективе - ничего. С фронта никаких отрядных известий. Блокада все еще не прорвана.

Дома у нас все идет как-то даже странно. Лишения на каждом шагу: голодно, дров мало - холодно, электричества нет, воду приходится носить из прачечной, помой выносить во двор, трамваи не ходят - Мама и Папа ходят на работу пешком, а какая теперь работа?

Эти дни Папа на бюллетене. Мама сегодня тоже дома - все-таки полегче, а то несколько дней назад Папа сказал: «Я, вероятно, умру от голода». (...)

В школе каникулы продлили до 15-го. Кормят не каждый день. 7-го была «елка». «Додумались» - показали «Дворянское гнездо» - по Тургеневу. Морозили нас с 11 до 5, потом дали по тарелочке супа, чуть-чуть пшеничной каши с котлетой да немножко желе. На занятия сейчас наплевать - совсем не занимаюсь, да и ни к чему. (...)

Дома отношения с Папой и Мамой хорошие. Голод очень сближает. Стараемся создать некоторый уют. Мама мечтает, да и все согласны, по окончании войны уехать жить в маленький город и поужнее, чтобы вести жизнь, меньше зависящую от общей городской жизни.

Я начинаю понимать многие новые вещи. Я лучше узнала Папу, Маму, их хорошие и плохие черты, лучше узнала и себя. (...)

Только бы пережить! Когда все это кончится? Сейчас на горизонте ничего отрядного, никакого утешения.

28 февраля 1942 года. Сегодня мне исполнилось 15 лет. Как не похож этот мой день рождения на то, что я ждала, о чем мечтала. Много писать не буду - нет сил и желания, всего не описать, да и просто все это я и так буду помнить всю жизнь.

18-го умер Папа. О, как просто все это случилось. Болела Мама, Папа жил на Почтамте, был в стационаре и немножко подправился, потом вдруг заболел поносом, ничего не ел, стал чахнуть и... около часа дня 18-го умер там же, на Почтамте. Я провела у него предпоследнюю ночь, Мамочка - последнюю. Мы сделали все, что могли, но было уже поздно. Врач говорит, что Папа был обречен уже с декабря - января, что третья степень истощения уже неизлечима.

Да! Не думала я, что четырнадцати лет останусь без отца. Я даже не могу осознать всего ужаса положения. Как тяжело видеть, как погибает человек от истощения, а у нас в это время как раз стали появляться продукты. Милый, как он хотел жить! Он и не готовился к смерти, и не думал о ней. Он даже не наказывал нам, как жить, что делать.

22-го мы его похоронили. Правда, без гробика, но мы себя так плохо с Мамочкой чувствовали, а ведь так трудно, помощи никакой. Милый Папочка, прости, что мы тебя зашили в одеяло и так похоронили. Место могилы хорошее, такая светлая полянка, недалеко березовая роща - это на Охтинском (Георгиевском) кладбище. (...)

Теперь у меня из самого дорогого осталась Мамочка да, пожалуй, этот двухлетний дневник. (...)

28 апреля 1942 года. Два месяца не писала. За эти месяцы прошло еще много тяжелых событий. В марте у меня украли продуктовые карточки, мы с Мамой после всех наших «добавок» остались ни с чем. Я очень расстроилась, я боялась стать причиной гибели Мамы, да и вообще жутко было подумать, как мы будем жить месяц в голодном городе без карточек. Но... быть может, все к лучшему. Теперь, когда это уже в прошлом, могу писать спокойнее. Все обошлось благополучно. Мы стали продавать и менять вещи: мебель, патефоны, папочкины часы и другое, и прожили неплохо по теперешнему времени, во всяком случае, имели мы даже больше, чем «полагалось» по норме. Да, все устраивается к лучшему. Мы написали в Вытегру и недавно получили ответную телеграмму. Там нас ждут. Теперь, как только начнется эвакуация на баржах, мы с мамой будем переезжать в Вытегру. Все наши помыслы сводятся к этой поездке. Вещей набирается много, и вообще трудностей предстоит масса, но, ду-

маю, как-нибудь справимся. На трех страничках, конечно, не напишешь всего, что произошло за 2 месяца. Мы еще больше сблизились с Мамой. Когда сидели без карточек, лучше узнали людей, почувствовали, какие сердечные и отзывчивые М.И. и М.О. Гейн, которые от своего мизерного пайка отрывали частичку для нас. И, наоборот, «родной» дядя Боря оказался более чем жестоким и бессердечным. Из грустных событий случилось вот что: умерла тетя Софа, у Гейн лежат Эрик и М.О. почти при смерти и, что для нас особенно тяжело, мы не нашли Папочкиной могилки на кладбище...

Но в целом все-таки стало полегче. Весна дает о себе знать. Город оживает - пошли трамваи, открываются кино, магазины, парикмахерские. Да! Я ведь остригла косы и очень этим довольна. (...)

1 мая 1942 года. Ну и денек выдался! Вот это действительно праздник! Готова поверить, что кто-то или что-то помогает нам. Пусть это будет Провидение или Папочка, или бабы Женины молитвы... Вчера я очень удачно променяла на рынке детские платица на крупу и на хлеб. Мамочка достала банку кровяной муки за 400 г хлеба, отдала 2 бокала и графин за 300 г и договорилась, что 2-го придет женщина еще за 4 бокалами.

Утром мы устроили праздничный завтрак: скушали по 2 сковородочки крови с мукой, по 2 чашечки каши и чай с 5 декстриновыми лепешками. Да, «самое главное» и забыла - выпили по рюмочке портвейна. Ну, куда уж лучше для завтрака в теперешнее время. Потом решили помыться. Я принесла ведро воды, Мама подогрела ее, и только я стала раздеваться, как пришла Татьяна Петровна, женщина-врач, которой мы продали керогаз, детские стулики и разборный домик. Вот тут-то все и случилось! Не знаю, чем мы ей так понравились, но Мама разговорилась с ней, и Татьяна Петровна взялась устроить нас с Мамой в столовую на усиленное лечебное питание. Мне просто не верится. Чтобы получить это направление, надо выстоять очередь часов с 6 утра, да еще пропустят или нет, а меня так определенно не примут еще и по возрасту. Татьяна Петровна все это нам устроила. Мне оказалось 19 лет, я студентка, но мой институт эвакуировался, и теперь я поступаю в строительный техникум, но еще не оформилась; живем мы на ул. Пестеля, 16, кв. 20...

В общем, еще вчера у нас была забота, как мы будем жить на иждивенческие карточки, а теперь мы определенно знаем, что 15 дней - с 3 по 17 мая включительно - нам обеспечены горячие завтраки, обед, ужин и хлеб из расчета 500 г в день!!! (...)

Ну, теперь-то мы, я думаю, сможем добраться до Вытегры. За эти дни подкрепимся в столовой, да Мама подлечит ноги витамином. На обратном пути зашли в сберкасса. Мама взяла деньги с книжки, а я стала проверять облигации. Таблиц было мало, так что проверить удалось не все. И что же? Нежданно-негаданно выиграли 150 рублей (вот и полвитамина оправданы). (...)

Мама определенно верит в Бога. Она считает, что за нас молится Папочка, быть может, тетя Софа и, конечно, баба Женя с тетей Любой... Кто знает? Я мало в этом понимаю. Я ведь не верующая, но после таких событий просто готова поверить и Провидение.

Становится темно, кончаю писать. В довершение чудесного дня мамочка вернулась с покупательницей, которая набирает вещей чуть ли не на 600 рублей. (...)

12 мая 1942 года. Вчера дописать не удалось - пришла с рынка Мама, и мы отправились обедать. Вчера для понедельника был опять исключительно удачный день. Я продала Джека Лондона на 80 рублей, Григорьевы принесли кровь, сыровую массу и за Папочкино пальто хлеб и деньги.

На рынке Мама за хлеб купила себе туфли (ее модельные мы ведь обменяли на масло), мне на юбку. (...) Теперь, когда стали питаться лучше, стала и лучше работать голова, восприимчивее мозг. Часто задумываюсь о своей судьбе, о том, что надо навсегда вычеркнуть из жизни понятие об отце, о моем дорогом Папе, что никогда больше он не будет работать и отдыхать с нами. Зимой я была в каком-то оцепенении, а теперь все это чувствуется ясно-ясно, и жутко становится.

Задумала в дороге начать, а потом в Вытегре заняться тем, что написать рассказ, вернее, очерк, повесть о жизни в блокадном Ленинграде этой зимой. Пусть я пишу хуже, чем Кара или Майка, но я постараюсь, и думаю, что выйдет то, что я хочу. Героиню будут звать Катей или как-нибудь иначе - это неважно. Она будет моих лет и, вообще, наделена многими моими чертами, плюс те черты, которые я бы хотела иметь. Катя, как и я, даже больше, испытает все тяготы и лишения этой зимы: будет сначала активно участвовать в ПВХО, увлекаться общественной работой, потом - голодать, потеряет родителей. Короче, Катя - мой прототип. (...)

Я думаю, что в этой повести смогу описать суровую зиму, бедствия ленинградцев, личные переживания. Чтобы получилось естественнее, многое возьму из своих впечатлений, из виденного и слышанного...